

Будучи давними спутниками в мире развлечений, Фань Лянь хорошо знал вкусы Чэн Фэнтая. Шан Сижуй был простодушным и наивным молодым человеком, лишённым какой-либо сексуальности, что никак не соответствовало привычным предпочтениям Чэн Фэнтая. Если бы это было просто желание попробовать что-то новое, то это заняло бы слишком много времени. Учитывая склонность Чэн Фэнтая к переменам, даже самые изысканные блюда надоели бы ему через пару лет, как это произошло с танцовщицами. Таким образом, его чувства к Шан Сижую были куда более глубокими, чем просто увлечение. Однако слово «роман» было сказано с долей иронии. Фань Лянь считал, что романтика должна быть полна страсти, нежности и сложных переживаний, и он никак не мог представить, как два мужчины могут вести романтические отношения. Особенно учитывая прямолинейный и наивный характер Шан Сижую, лишённый изящной чувственности. А Чэн Фэнтай и вовсе не был похож на романтика. Он не мог представить, как эти двое говорят нежности или ссорятся — представляя себя и свою девушку на их месте, он чувствовал лишь отвращение.

Чэн Фэнтай не уловил иронии в его словах и ответил:

— Это нельзя назвать просто романом. Если бы я хотел романтики, я бы не выбрал его. С ним не о чём говорить!

И добавил:

— Почему у тебя в голове только любовь и постельные дела? Это отвратительно!

Фань Лянь хотел возразить, но Чэн Фэнтай похлопал его по руке:

— Ладно, не беспокойся об этом. Я знаю, что делаю.

С этими словами он легко освободился и поднялся наверх, оставив Фань Ляня в недоумении. Тот с раздражением подумал, что их согласованность в ответах явно указывает на то, что они заранее договорились, чтобы ввести его в заблуждение. Сейчас они говорят, что он слишком любопытен, но когда возникнут проблемы, пусть не приходят к нему за помощью!

Ранее Чэн Фэнтай хвалил Фань Ляня как «очень хорошего и преданного» человека, и, вероятно, в случае реальных трудностей он не был бы так холоден, как сейчас. Но в этот момент Фань Лянь, полный холодного недовольства, вернулся к Сюэ Цяньшаню. Тот, увидев его мрачное лицо, оглянулся и с улыбкой спросил:

— Чэн Фэнтай?

Фань Лянь усмехнулся:

— Это не мой зять, а настоящий враг!

Сюэ Цяньшань кивнул:

— Да, я почти забыл, что вы родственники. Кстати, Шан Сижуй сегодня здесь?

Фань Лянь вздрогнул — неужели даже Сюэ знает об их связи? Он смущённо улыбнулся и кивнул. Сюэ Цяньшань весело сказал:

— Отлично! Как раз кстати!

Фань Лянь не понял, что он задумал.

На втором этаже все комнаты, включая гостиную и ванную, были открыты для гостей. Если кто-то занимал комнату, он снимал венок с внутренней ручки двери и вешал его снаружи, чтобы показать, что его не стоит беспокоить. Шан Сижуй, конечно, не знал об этом изысканном правиле, но Чэн Фэнтай, подойдя к двери, услышал, как внутри играет патефон. Это мог быть только Шан Сижуй. Войдя и повесив венок снаружи, он увидел, что Шан Сижуй стоит перед стеклянным шкафом, выбирая пластинки. Чэн Фэнтай попытался взять одну из них, но Шан Сижуй крепко сжал их в руках.

Чэн Фэнтай шлёпнул его по заднице:

— Отпусти! Что ты так держишься?

Шан Сижуй неохотно отдал одну пластинку, и, к удивлению Чэн Фэнтая, это была его ранняя запись «Слёзы одиночества». Это было неожиданно, ведь за последние годы многие менее талантливые артисты выпускали одну пластинку за другой, а Шан Сижуй отказывался от предложений звукозаписывающих компаний, не желая записывать свой голос. Остальные пластинки включали известные арии из «Госпожа Гэн», «Сон в женских покоях», «Тринадцатая сестра» и «Повесть о железном луке», а одна из них, «Две сестрицы Ю из Красного терема», была записана в дуэте с Цзян Мэнпин. Вряд ли это могло быть причиной его отказа от дальнейших записей.

Чэн Фэнтай взял одну пластинку, чтобы поставить на патефон, но Шан Сижуй с криком вырвал её и, сложив с остальными, ударил по колену, сломав их все пополам! Чэн Фэнтай был в ужасе! Спрятав единственную уцелевшую пластинку за спину, он с гневом посмотрел на Шан Сижую:

— Ты с ума сошёл?! Зачем ты уничтожил их, дурак?

Шан Сижуй без лишних слов бросился к нему, пытаясь отобрать пластинку. Они начали бороться, толкаясь и дёргая друг друга, пока Шан Сижуй не прижал Чэн Фэнтая к европейскому дивану, смяв его костюм. Задыхаясь, он потребовал:

— Отдай мне!

— Зачем? Чтобы ты сломал и эту?

— Раньше я пел плохо!

— И что? Ты хочешь уничтожить всё из-за этого? Что за характер!

— Именно так! Отдай! Это моё! Тебе нечего с этим делать!

Чэн Фэнтай высоко поднял пластинку, одной рукой удерживая Шан Сижую, который, лёжа на нём, извивался, пытаясь дотянуться до неё, и это начало его раздражать. Один хотел уничтожить своё прошлое, которое считал недостойным, а другой стремился сохранить историю любимого человека, о которой тот не знал. Они оба забыли, что эти пластинки были частью коллекции Фань Ляня, и как гости, они не имели права распоряжаться ими.

Шан Сижуй, разозлившись, был невероятно силён, и Чэн Фэнтай, привыкший к комфорту, не мог с ним справиться. Он чувствовал, как Шан Сижуй, словно молодой и сильный леопард, напряжённые мышцы которого были полны энергии, извивался и толкал его, почти выбивая дыхание и причиняя боль рёбрам.

Чэн Фэнтай, задышавшись, кашлянул и шлёпнул его по заднице:

— Чёрт, если не успокоишься, я тебя прикончу!

Шан Сижуй, уткнувшись носом в его нос, гневно прошипел:

— Давай! Попробуй!

Чэн Фэнтай, встретив его острый взгляд, почувствовал, как в нём загорается огонь, но голос его стал мягче:

— Тогда дай мне послушать, как ты пел раньше.

Шан Сижуй с подозрением спросил:

— А потом отдашь?

Чэн Фэнтай пообещал:

— Обязательно. Давай вставай, ты уже раздавил меня!

Шан Сижуй перевернулся и сел на диван, развалившись на нём:

— У иностранцев такие удобные кресла, даже лучше, чем диваны или матрасы.

Чэн Фэнтай сказал:

— Внутри нет пружин, только поролон. Нравится? Куплю тебе такой же.

Он бережно поставил пластинку на патефон и налил два бокала красного вина, один из которых протянул Шан Сижую. Тот одним глотком опустошил бокал и, поморщившись, сказал:

— Кислое, как ослиная моча.

Чэн Фэнтай с улыбкой покачал головой:

— Откуда ты знаешь, какая на вкус ослиная моча? Да и пить её нужно не так!

Он снова налил ему немного вина и сел рядом.

Из патефона медленно полились слова песни, и сразу стало ясно, что это голос Шан Сижую. Он звучал нежнее и звонче, чем сейчас, но был менее гибким. Чэн Фэнтай, наслаждаясь вином и музыкой, погрузился в ностальгию. Он пропустил этот прекрасный период жизни и теперь мог лишь слушать его. Шан Сижуй, напевая, вертелся на диване, как обезьяна, и, наконец, снял обувь, положив ноги на колени Чэн Фэнтая. Он полулёжал на подлокотнике, напевая песню, но без особых эмоций, просто расслабленно. Вдруг он почувствовал, что под ним что-то мешает, и, копаясь в щели дивана, вытащил детскую погремушку и носок. Выбросив носок, он начал трясти погремушку в такт музыке.

Чэн Фэнтай шлёпнул его по пятке:

— Ты можешь хоть немного успокоиться?

Запись на патефоне была сделана, когда Шан Сижую было пятнадцать или шестнадцать лет. Хотя он уже был известен в округе Пинъян, в масштабах Китая он ещё не был звездой. Чтобы развить его талант, Шан Цзюйчжэнь отправился с труппой в Тяньцзинь, Ухань и Гуанчжоу, чтобы Шан Сижуй мог заявить о себе. В конце концов они добрались до Шанхая, где менеджер звукозаписывающей компании, увидев его потенциал, предложил записать четыре пластинки — как сольные, так и совместные, каждая из которых была выпущена тиражом всего в три-четыре сотни экземпляров. Когда Шан Сижуй стал известен по всей стране, а его мастерство достигло совершенства, он уже не хотел записывать свой голос на маленьких дисках.

<http://bllate.org/book/15435/1368667>